

АЗБУКА ВЕРЫ

ЖИТИЯ СВЯТЫХ

Жития святых

См. раздел [СВЯТЫЕ И СВЯТОСТЬ](#)

- [Жития святых в Святоотеческой библиотеке](#)
- [Жития святых С. В. Троицкий](#)

Жития́ святы́х – литературный жанр жизнеописаний (зачастую символических) христиан, [канонизированных Церковью](#). Первые Жития святых – назидательные сказания о христианских [мучениках](#) (в Киевской Руси были известны в переводах).

Первые оригинальные русские жития святых возникли в конце XI в. (*жития княгини Ольги, князей Бориса и Глеба, Владимира I Святославича, “Житие Феодосия Печерского”*).

В дальнейшем Жития святых объединялись в специальные сборники:

- **Минеи-Четьи** (Жития святых, изложенные в календарном порядке празднования их памяти);
- **Синаксарии** (краткие Жития святых);
- **Патерики** (сборники повествований о подвижниках какой-либо обители).

Хотя многие из древних Житий святых безусловно являются подлинными свидетельствами современников, всегда следует помнить, что они представляют собой *особый литературный жанр*, имеющий свои строгие каноны и правила. Поэтому, никак не ставя под сомнения душеполезность избранных Церковью «житий» для благочестивого чтения, следует помнить, что как к историческим источникам к ним следует относиться с определенной осторожностью.

* * *

Священник Олег Митров, сотрудник Комиссии по канонизации Московской епархии

При всем многообразии подходов различных авторов можно выделить два основных принципа написания житийных текстов. Первый – проложный, когда агиограф следует традициям древних мученических актов, излагает только события жизни святого как они

есть. И второй подход – публицистический, когда автор пытается самостоятельно осмыслить события, дать им свою оценку, а при недостатке фактов решается делать свои предположения. Зачастую вместе с этим писатель увлекается излишним психологизмом и литературным украшательством.

Скупые сказания о мучениках первых веков, целиком основанные на подлинных проконсульских актах, после окончания гонений в IV веке сменили «Жития отцов», описывавшие их святую жизнь и научавшие христианским добродетелям. В более позднее время, и особенно в иконоборческий период, в агиографии начинает преобладать риторическое направление, расцвет которого приходится на деятельность Симеона Метафраста (X век). В этой традиции гораздо меньше внимание уделяется фактической истории, а предпочтение отдается «похвале» святого, причем в житии преобладает общая риторика, большое значение имеет литературная сторона, изощренная форма, появляется некоторый литературный шаблон, который переносится из жития в житие, допускается вымысел. Житие становится более похожим на нравоучительную проповедь в день памяти святого, чем на рассказ о его реальной биографии. Самый распространенный пример: о детстве святого ничего не известно, но агиограф позволяет себе фразу: «В семье благочестивых родителей родился благочестивый отрок...».

Первые жития свв. Бориса и Глеба, Феодосия Печерского, составленные преп. Нестором, и некоторые другие ранние жития отличает простота изложения. Тексты написаны сжатым и простым языком. Фактическая сторона занимает в них главное место и не обращается в материал для нравственно-риторического рассуждения. Затем с конца XIV – начала XV вв. на русскую агиографию начинает влиять византийская традиция, и многие последующие писатели опираются именно на эти образцы. Наиболее распространенные до революции Четьи-Минеи свт. Димитрия Ростовского, составленные на основании предшествующих русских миней, трудов Симеона Метафраста и многих других источников, также принадлежат к этой риторической традиции. Нельзя не отметить, что жития, составленные в этом жанре, вызывали серьезную критику церковных писателей и историков.

Конечно, нельзя ставить знак равенства между современными авторскими житиями, написанными в духе церковной публицистики, и витиеватыми византийскими образцами, но определенное родство между ними (вернее, между их недостатками) существует. Сейчас после разрыва в церковном предании, вызванного гонениями XX века, перед нами стоит вопрос: к каким традициям в агиографии мы должны вернуться?

Думаю, что правильнее обратиться к историческому, «проложному», образцу. Особенности восприятия современного человека таковы, что информационный текст, основанный на фактах, легче усваивается умом и даже сердцем, чем благочестивая риторика. Мне кажется, что искусственное подражание стилю другой эпохи выглядит сегодня как лукавство, не говоря уже о том, что благочестивые вымыслы дают повод внешним упрекать христиан во лжи.

И вот что еще очень важно сказать. При «проложном» изложении личность писателя как бы скрыта от читателей, агиограф только собирает факты и излагает их наподобие летописца. А при авторском подходе в житии присутствуют размышления автора, отражающие его духовное устройство – и если в этом устройении не все благополучно, есть опасность заразить своими духовными недугами многочисленных читателей. Когда человек от фактов переходит к личным мнениям и предположениям, ему очень легко впасть в мечтательность и оказаться за рамками церковно-исторической действительности.

Игумен Борис (Долженко), ["К тихому пристанищу"](#):

Из духовных книг, которые попадают в руки современному читателю, следует обратить особое внимание на книги *житийные*, содержащие жития и истории из жизни подвижников веры и благочестия, и *учительные*, в которых описывается путь к христианскому совершенству св. Отцами, опытно прошедшими его. Самая распространенная ошибка новоначальных – использовать житийную литературу, как учительную. При всех своих художественных достоинствах и увлекательности повествований, они не могут служить учебниками духовной жизни. Они описывают лишь внешнюю

сторону жизни святых: их благочестивых родителей, необыкновенное рождение, удаление от сверстников и детских игр, уединенное жительство, суровую одежду, скудную пищу, назидательные происшествия с их участием. О внутреннем же пути к святости, ступенях духовного роста, подвигах и искушениях, соответствующих каждой ступени, даются лишь отрывочные сведения, а чаще всего об этом умалчивается. Назначение этих книг – возгревать в читателе желание спасения и усердие к подвигу.

О том же, как проходить самый подвиг, надобно читать в книгах учительных, примером которых могут служить творения свт. Игнатия Брянчанинова, свт. Феофана Затворника, свт. Тихона Задонского, письма Оптинских старцев, «Добротолюбие», «Лествица» и т.д. В житиях святых и патериках собраны на немногих книжных страницах чудеса и исключительные случаи, происходившие в течение десятков, и даже сотен лет, с разными людьми, в разных странах. Неопытного же читателя знакомство с этими книгами приводит к мнению, что духовная жизнь должна быть наполнена чудесами и необыкновенными поступками, что в них-то, а не в исполнении Евангельских заповедей и работе над собой, состоит суть духовности. Они начинают искать чудотворцев, посещать места, где происходит что-то необычное, с волнением и трепетом собирают известия и слухи о чудесных событиях, что-то из прочитанного в житиях святых пытаются исполнить сами – и, наконец, приходят в опасное духовное состояние. Хорошо сказал об этом прп. Иоанн Лествичник: «Удивляться трудам сих святых – дело похвальное, ревновать им – спасительно, а хотеть вдруг сделаться подражателем их жизни – есть дело безрассудное и невозможное». Чудеса же и сейчас имеют место в жизни Церкви и каждого верующего человека, но происходят они не часто. Подлинным чудом, не меньшим, чем появление светящихся фигур и исцеление от неизлечимой болезни, является обращение неверующего человека к Богу и исправление от тяжких грехов, вошедших в навык.

Жития рассказывают про святость, а не про события человеческой жизни. Именно этим агиография (то есть описание святости) отличается от биографии (описания жизни).

Александр Кравецкий